

Памяти Н. А. Морозова

РЕВОЛЮЦИЯ И НАУКА В СУДЬБЕ Н. А. МОРОЗОВА

В. А. ТВАРДОВСКАЯ

При всей своей необычности судьба видного революционера и выдающегося ученого Н. А. Морозова не является исключительной для русского освободительного движения и для русской науки. Пожалуй, ни в одной стране революционное движение не знало такого призыва в свои ряды ученых (состоявшихся и потенциальных), как в России. Среди революционеров одного с Морозовым поколения можно назвать ряд имен, впоследствии прославивших русскую науку. Это биохимик академик А. Н. Бах — бывший народоволец, кристаллограф академик Е. С. Федоров — участник революционных кружков 1870-х годов, П. А. Кропоткин, вместе с Морозовым входивший в кружок «чайковцев» и внесший крупный вклад в развитие географии, геологии, биологии, истории. В «Народной воле» наряду с Морозовым действовали революционеры, которые, сложись их судьба иначе, имели все данные стать выдающимися деятелями науки. Это Н. А. Кибальчич — изобретатель метательных снарядов, С. Г. Ширяев — техник народовольческого подполья, ученик П. Н. Яблочкова, разносторонне одаренный А. И. Желябов и др. Многим из них, как и Морозову, пришлось решать для себя дилемму «наука или революция». Как и Морозов, они отказывались от научной деятельности во имя деятельности, связанной с борьбой за освобождение народа. Некоторые из них подобно Морозову вернулись к науке лишь в тюрьме или в ссылке. Это особая черта русского освободительного движения, к которому примыкали лучшие представители интеллигенции, важна для понимания его как движения, выраставшего из глубоких и закономерных жизненных процессов.

Морозов стоял уже на пути к большой науке, когда присоединился к этому движению — народническому по господствующей в нем в тот период идеологии. В становлении Морозова как революционера наука сыграла свою особую роль.

По социальному происхождению Морозов принадлежал к разночинцам, которых в пореформенной России становилось все больше как среди ученых, так и среди революционеров. Сын дворянина и помещика П. А. Щепочкина и крепостной крестьянки А. В. Морозовой, он был приписан к мещанскому сословию, получил хорошее по тому времени домашнее образование. Уже в детстве в круг его чтения вошла научная литература — книги из библиотеки отца по астрономии и кораблестроению. Еще в гимназии (2-я Московская гимназия) Морозов самостоятельно и серьезно занимался естественными науками — изучал геологию Подмосквья, собрал интересную коллекцию окаменелостей. Некоторые из его палеонтологических находок попали в университетский музей зоологии, где они хранятся и сейчас. Столь же заинтересованно гимназист Морозов занимался зоологией, ботаникой, собирал гербарии, коллекции насекомых. Его работы обратили на себя внимание профессоров университета, где Морозов в свободное от занятий в гимназии время слушал лекции, работал в анатомическом театре.

К своему увлечению естественными науками Морозов старался приобщить товарищей по гимназии. Он стал организатором «Тайного об-

щества естествоиспытателей-гимназистов». Казалось, что призвание определилось. Он не представлял себя вне служения науке и мыслил заниматься ей, как и подписывал устав созданного им общества, «не щадя жизни». Юный Морозов отводил решающую роль естественным наукам в человеческом прогрессе. В реферате, прочитанном на заседании общества, он доказывал, что «без естественных наук человечество никогда не вышло бы из состояния, близкого к нищете, а благодаря им люди со временем достигнут полной власти над силами природы»¹.

Позднее Морозов признавался, что боевые революционные настроения, переживаемые тогда передовой молодежью, «мало гармонировали с его созерцательной натурой», с полной его погруженностью в науку². Но именно жажда подлинного служения передовой науке толкнула Морозова к борьбе. То всепоглощающее серьезное и глубокое изучение естественных наук, которым он был захвачен, не только выходило за рамки официальной программы классической гимназии — оно шло с ней вразрез и преследовалось. Идеология самодержавия усматривала прямую связь между естественными науками и формированием материалистического мировоззрения, в котором видела основу нигилизма. Упомянутое общество естествоиспытателей потому и могло быть только тайным. И очень скоро оно поэтому перестало быть чисто научным. В рукописном журнале общества наряду с научными все чаще стали появляться статьи на политические темы, автором которых, как правило, был Морозов³. Размышления о судьбе науки при современном строе, всячески затрудняющем, сдерживающем ее развитие, об ограниченных возможностях служения ей в этих условиях послужили причиной зарождения критических умонастроений Морозова. Они укрепились под влиянием чтения демократических журналов 1860—1870-х годов («Современник», «Русское слово», «Дело», «Отечественные записки»). Статьи Д. И. Писарева и Н. А. Добролюбова, П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского, запрещенные издания, которые Морозов получал из тайной студенческой библиотеки от знакомых по университету студентов, — все это способствовало его «последовательному революционизированию», к которому, по его словам, вели «постепенно и незаметно» все условия русской жизни⁴.

Морозов стал мучиться теми же «проклятыми вопросами», которыми в то время «болели» лучшие представители образованной молодежи. Имеет ли право интеллигенция заниматься научными исследованиями в тиши своих кабинетов и лабораторий, в то время как народ, за счет которого она получила образование, коснеет в нищете и рабстве? Не есть ли первейший долг образованного человека идти в народ, чтобы служением ему вернуть этот неоплатный долг?

В том, как Морозов решил для себя эти вопросы, огромную роль сыграло и знакомство его с революционерами, в кружок которых его ввел сблизившийся с ним в начале 1874 г. С. М. Кравчинский. Соприкасавшийся уже с научной средой Морозов увидел здесь людей «замечательно образованных» и способных, таких, как Д. А. Клеменц, Л. Э. Шишко и С. М. Кравчинский. Оставив мысль о научной карьере, все они перешли на нелегальное положение, предпочитая суровые революционные будни, опасности и тяготы жизни профессиональных революционеров, «Я почувствовал, — вспоминал Н. Морозов о своих тогдашних переживаниях, — что потерю к себе всякое уважение и не буду достоин служить науке, если оставлю их погибать, и решил присоединиться к ним»⁵.

Весной 1874 г. Н. Морозов бросает гимназию и целиком уходит в ре-

¹ Морозов Н. А. Повести моей жизни. М., изд. АН СССР, 1961, т. 1, с. 62.

² Любатович О. С. Далекое и недавнее. — «Былое», 1906, СПб., № 5, с. 219.

³ Морозов Н. А. Указ. соч., т. 1, с. 56.

⁴ Там же.

⁵ Там же, с. 10; см. также Любатович О. С. Указ. соч., с. 219.

Следствие и суд, пребывание в заключении, где пересеклись жизненные пути многих видных революционеров-народников, для Морозова стали новыми этапами в его становлении как революционера. Долгие раздумья в тюрьме над итогами «хождения в народ», сопоставляемые с выводами других участников движения, неуклонно подводили к признанию необходимости политических свобод. Бакунистская точка зрения, столь распространенная в движении 1870-х годов, признавала борьбу за эти свободы ненужной, отвлекающей революционеров от их настоящих задач — подготовки крестьянской революции. Бакунисты утверждали, что, ничего не принося народу, политические свободы укрепляют лишь русскую буржуазию, тем самым отдаляя возможность социального переворота в стране. За три года заключения Морозов, немало передумавший над этой проблемой, все больше начинал понимать значение политических прав и для народа, и для самих революционеров для их дальнейшей работы среди крестьянства. Немало узнал он за это время об искалеченных и загубленных судьбах своих товарищей. Пережив следствие и судебный процесс, Морозов почувствовал, что не может с бакунистским безразличием относиться к демократическим свободам, отвергать их значение и в жизни народа, и в деятельности революционеров. Задача завоевания политических прав становится для него, как и для многих его товарищей по заключению, первоочередной и безотлагательной.

Действующие на воле революционеры приходили к тем же выводам своим путем, стихийно все более втягиваясь в политическую борьбу. Эти новые настроения в народничестве, новые тенденции в его развитии были ускорены надвигающейся в стране революционной ситуацией, признаки которой обнаруживались уже с конца 1877 г. Непокойно стало в деревне, взбудораженной слухами о переделе земли. С начала 1878 г. волной прошли стачки на ряде предприятий Петербурга. Участились студенческие «беспорядки», оживилась либерально-земская оппозиция. Необычность обстановки в стране, ее воздействие на революционное движение Морозов ощутил по выходе на свободу в январе 1878 г. (приговоренному к 15 месяцам тюрьмы Морозову зачли его трехгодичное предварительное заключение). Он сразу оказался в гуще революционных событий, которые в те дни закипали в городах. Именно здесь начали концентрироваться силы революционеров, покидавших деревню, изверившихся в работе в народе. Боевые дела, связанные с вооруженным сопротивлением властям, освобождением заключенных из тюрем, террористическими покушениями на правительственных лиц, захватили народников.

Увлекли они и Морозова, который участвовал в попытках освобождения П. И. Войнаральского и Е. Брешковской, в подготовке ряда террористических актов. С таким же энтузиазмом, как в годы подготовки к походу в народ, он овладевал ремеслом, запасался пропагандистскими брошюрами. Морозов учился владеть оружием; худой, ослабленный тюрьмой, он ходил в те дни весь «увешанный оружием».

Морозов вступил в революционную организацию «Земля и воля» — крупнейшую в движении этого периода, став редактором ее одноименной газеты. В рядах землевольцев, где действовали многие из его бывших товарищей по кружку, «чайковцев», единства не было. Одни (А. Д. Михайлов, М. Ф. Фроленко, Л. А. Тихомиров, Н. А. Морозов) тянули в сторону борьбы с правительством, настаивали на работе среди городских слоев — рабочих, студенчества. Другие (Г. В. Плеханов, М. Ф. Попов, О. В. Аптекман), справедливо указывая на противоречие этой деятельности программе «Земли и воли», по-прежнему звали в народ, в деревню. В газете «Земля и воля» Плеханов как один из редакторов не пропускал статей Морозова в защиту нового направления борьбы. Тогда в качестве добавления к газете был создан «Листок

„Земли и воли“» — для освещения текущей борьбы, которая уже все более становилась борьбой политической. Морозов поместил в «Листке» ряд заметок о начавшейся схватке с самодержавием за политические преобразования. «Революция против деспотизма» была провозглашена здесь самостоятельной и первоочередной задачей для дальнейшей борьбы за социализм. Это был фактически пересмотр программы «Земли и воли», не выдвигавшей политических целей.

Расхождения между «политиками» и «деревенщиками» все более углублялись и привели в августе 1879 г. к расколу «Земли и воли» на «Народную волю» и «Черный передел». Морозов был среди учредителей «Народной воли» и вошел в состав Исполнительного комитета (ИК) — руководящего центра организации.

Здесь Морозову не надо отстаивать значение науки для дела революции. Понимание их нераздельности, их союза было характерно для публицистики и программных документов народовольцев. Социальная утопия народовольцев прямо связывала идеальный общественный строй с наукой. Народовольцы верили, что завоеванный революцией социализм «даст возможность широко пользоваться машинами и всеми изобретениями и открытиями, облегчающими труд», социализм каждому работнику даст «научное знание и сделает его самого способным служить дальнейшему развитию науки...»⁸.

В. И. Ленин видел «великую историческую заслугу» народовольцев в том, что они «старались привлечь к своей организации *всех* недовольных и направить эту организацию на решительную борьбу с самодержавием»⁹. В. И. Ленин считал, что «народовольцы сделали шаг вперед, перейдя к политической борьбе»¹⁰. К этой заслуге Морозов был непосредственно причастен. Он был среди пионеров политической борьбы с самодержавием, среди тех, кто объявил войну бакунистским догмам. Однако в «Народной воле» он не проработал и года из-за обнаружившихся серьезных разногласий с ИК. Пока «политики» сплоченной и немногочисленной группой выступали против сторонников старой полуканархической программы, отстаивая саму необходимость политической борьбы, вопрос о средствах и формах этой борьбы оставался в тени как менее существенный. При обсуждении программы «Народной воли» уже среди самих ее основателей выявились существенные разногласия как раз по этим вопросам. Морозов представил свой проект программы. «Партизанские действия» террористов мыслились здесь вернейшим путем к завоеванию политических свобод. Террор обосновывался как наиболее экономный и рациональный способ совершения революции. Эти идеи Морозова поддержки не встретили. У народовольцев еще сильна была вера в возможность своей борьбой пробудить народ к революции. Вера эта поддерживалась всей обстановкой революционной ситуации, которую революционеры использовали, чтобы развернуть деятельность среди всех слоев населения. Поначалу в программе «Народной воли» террор не занимал главного места и упоминался как одно из средств борьбы. Вскоре стихийно он начал проявляться во всех других сферах деятельности партии. В народовольческой печати Морозов как бы предвосхитил логику развития терроризма, сконцентрировав в своем проекте программы террористические предрассудки, оказавшиеся вскоре характерными для движения в целом. Но в ранний период народовольчества, в разгар революционного кризиса в стране, разногласия Морозова с ИК казались и принципиальными, и непримиримыми. Он был отстранен от редакции газеты «Народная воля», от пропагандистской и организаци-

⁸ Программа рабочих, членов партии «Народной воли». — Революционное народничество 70-х годов XIX века. М. — Л., «Наука», 1965, т. II, с. 184, 185.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 135.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 179.

онной работы. В начале февраля 1880 г., получив от ИК бессрочный отпуск, Морозов уезжает за границу.

Эта, вторая, эмиграция для Морозова оказалась значительно тяжелее, чем пребывание в Женеве в 1875 г. Он уже был человеком семейным (за границу с ним приехала его жена революционерка О. С. Любатович, здесь же родилась у них дочь). Жизнь в Женеве и Кларане оказалась заполненной поисками уроков, переводов — работы для заработка, не для души. Томительным и напряженным было ожидание вестей с родины, где уже накануне отъезда Морозова развернулась острая борьба (Морозов уехал за несколько дней до взрыва в Зимнем дворце, произведенного народолюбцами, и в последующее время им было не до регулярной информации за границу). Стойко и спокойно переносил Морозов безденежье и неустройство эмигрантского существования. Литературная «поденщина» не отрывала его от главного дела, которым в это время стала организация им совместно с П. Л. Лавровым и Н. Л. Гартманом журнала «Русская социально-революционная библиотека». Первой книгой этой библиотеки вышла «Парижская коммуна» П. Лаврова. Была объявлена и книга «История социалистического движения в России в 1873—1875 гг.» Н. Морозова.

Историю «хождения в народ» Морозов задумал составить из свидетельств самих участников движения с его комментариями.

Задавшись мыслью привлечь к «Русской социально-революционной библиотеке» К. Маркса, Морозов едет в Лондон для переговоров с ним. К. Маркс, с огромным интересом следивший за единоборством народолюбцев с самодержавием, принял русского революционера и дал ему несколько своих работ, в том числе «Манифест Коммунистической партии», обещая написать предисловие к русскому переводу. Решив перевести его в первую очередь, Морозов начал работу над «Манифестом».

И все же, как ни важна казалась ему встреча с К. Марксом, он в то время вряд ли сознавал истинное место этого человека в истории революционного движения, развитии общественной мысли, науки. С годами, по мере того как это значение все более постигалось, встреча с Марксом, бережно хранимая в памяти, восстанавливалась во все новых подробностях, укрупняясь до события рубежного, особого по значению. Напротив, то, что тогда, в 1880 г., казалось наиважнейшим — написание брошюры «Террористическая борьба» с обоснованием в ней террора как вернейшего и современнейшего способа революционной борьбы, скоро потеряло для Морозова свой смысл и интерес. Он не любил вспоминать эту свою работу, никогда не цитировал ее.

Завершить перевод «Манифеста» Морозову не пришлось. Передавая эту работу Г. В. Плеханову, он уже в конце 1880 г. стал собираться на родину, куда вызывали его обесилленные арестами народолюбцы. В январе 1881 г. при переходе границы Морозов был арестован. Вскоре была арестована и О. С. Любатович, приехавшая в Россию с мыслью устроить побег Морозова; их дочь, оставленная у чужих людей, в том же году умерла.

На следствии Морозов последовательно держался тактики отказа от всяких показаний. Единственное его показание 24 апреля 1881 г. и состояло в объявлении этого отказа отвечать на какие-либо вопросы. «Моя жизнь до ареста тесно связана с жизнью других лиц, и мои разъяснения, хотя бы они и относились только лично ко мне, могли бы повлиять на судьбу моих знакомых и друзей, как уже арестованных, так и находящихся на свободе», — объяснял он¹¹.

Морозова судили в феврале 1882 г. по «процессу 20-ти» вместе с видными руководителями «Народной воли» (А. Д. Михайловым, М. Ф. Фроленко, Н. Н. Колодкевичем, А. Н. Баранниковым, Н. Е. Сухановым,

¹¹ ЦГАОР СССР. Особого присутствия правительствующего сената (ОППС), ф. 112, оп. 1, д. 504, ч. 2, л. 486.

А. В. Якимовой, Т. И. Лебедевой, Г. П. Исаевым и др.). Процесс этот называли «процессом ИК». Против Морозова были выдвинуты (на основании некоторых из показаний) обвинения в участии его в подкопе с целью взрыва на Московско-Курской железной дороге¹². Он оказался среди десяти членов ИК, приговоренных к смертной казни через повешение. Царь оставил в силе приговор для офицера Н. Е. Суханова, заменив остальным смертную казнь бессрочной каторгой. Однако в Сибирь столь видных революционеров отправить не решились, их содержали в Алексеевском равелине Петропавловской крепости. В 1884 г. Морозов в числе особо важных заключенных был переведен во вновь отстроенную тюрьму в Шлиссельбургской крепости. Там в одиночном заключении он находился до осени 1905 г.

Морозов оказался среди немногих, выдержавших такой срок в условиях заключения особо тяжелого режима. Погибли те его товарищи, которые считались физически более крепкими, некоторые заболели психически. А Воробей (подпольная кличка Морозова), производивший впечатление «молодого деревца, возросшего вдаль от свежего воздуха», — болезненный, хрупкий, вышел из тюрьмы закаленным духовно и физически. Спасли Морозова в заключении прежде всего научные интересы, которые никогда не оставляли его. Тюрьма доказала, что в Морозове-революционере никогда не умирал ученый. По-видимому, на протяжении всей его революционной деятельности и в России, и в эмиграции в нем продолжался подспудный процесс накопления знаний, шло наблюдение за современными достижениями естествознания. Не имея возможности непосредственно отдалиться исследовательской работе, Морозов уже не мог не следить за развитием любимой науки — слишком органично и глубоко вошла она в его жизнь. Многие незаметно откладывались в его феноменальной памяти, создавая ему те ресурсы, мобилизация которых являлась условием научной деятельности в тюрьме. Без учета этой подготовительной работы научные успехи революционера Морозова в одиночной камере заключения будут непонятны, как было бы непонятно и открытие Кибальчича. Ведь и Кибальчич не в тюрьме изобрел свой летательный аппарат. Приговоренный к смертной казни, он в заключении лишь записал свое изобретение, боясь унести его с собой. И в нем — ученом по призванию — в разгар работы на нужды революции не прекращалась работа научной мысли.

Но и почти энциклопедического запаса знаний и свободной ориентации в современной ему проблематике для исследовательской работы в тюрьме еще было недостаточно — требовалась особая физическая подготовка. Приговоренный врачами к близкому концу, мучимый цингой и кровохарканьем, Морозов буквально создает себя заново. Устанавливает строжайший режим, который неукоснительно выполняет. Встает и ложится в одно и то же время, занимается гимнастикой, ходит по камере, проделывая по несколько верст в день. Все это внедряет в свою жизнь постепенно, но последовательно, постоянно увеличивая нагрузки. Так он достигает максимальной для тюремных условий работоспособности.

Первые книги, полученные Морозовым в равелине, были богословскими. Он сразу понял, «какой богатый материал дает древняя церковная литература для рациональной разработки человеку, уже достаточно знакомому с астрономией, геофизикой, психологией и другими естественными науками»¹³. Именно здесь — начало длительного и многотрудного исследования, впоследствии опубликованного под названием «Христос» («посвященный в тайны наук» — греч.). Морозов определил его как «рационалистическую обработку всего мистического периода умственной эволюции человечества»¹⁴.

¹² Процесс 20-ти народовольцев в 1882 г. — «Былое», СПб., 1906, № 1, с. 289.

¹³ Морозов Н. А. Указ. соч., с. 18.

¹⁴ Морозов Н. А. Ключки воспоминаний. — «Известия», 1934, 6 июня.

Потом в Шлиссельбурге он постепенно начал получать книги по физике, химии, математике, кое-что из научной аппаратуры — для опытов. Условия для научных занятий в Шлиссельбурге зависели от политической обстановки в стране, от состояния революционного и рабочего движения. Именно его успехами объяснялось некоторое смягчение режима заключения. Освобожденный из тюрьмы революцией 1905 г., Морозов вынес на волю 26 томов рукописей, посвященных разработке проблем теоретической физики, химии, математики и других наук.

На свободе Морозов целиком отдается научной работе, подготавливая к публикации свои рукописи, которые, выходя в свет одна за одной, становились событиями в науке. После выхода его работы «Периодические системы строения вещества. Теория образования химических элементов» (1907 г.) естественный факультет Высшей вольной школы избрал Морозова приват-доцентом по кафедре химии. Морозов увлекся в этот период популяризацией естественных наук, объехав с чтением публичных лекций почти всю страну: Украину, Сибирь, Дальний Восток. Лекции Морозова всюду становились общественным событием. Демократическая интеллигенция приветствовала в его лице не только передового ученого, но и борца с самодержавием. В 1911 г. Морозова вновь приговорили к тюремному заключению за книгу «Звездные песни», в которую вошли стихи, написанные им в тюрьме. Это самое кратковременное из своих заключений — годовичное (в Двинской крепости) он использовал, чтобы писать воспоминания о революционном прошлом.

Творческая активность его не ослабевает. Он становится членом многих ученых обществ. Избирается профессором астрономии Высших курсов Лесгафта, читает курс химии в Психоневрологическом институте. Диапазон научных интересов Морозова все более расширяется. Объектом его исследований становятся воздухоплавание и авиация. Он поступает в аэроклуб, читает лекции по воздухоплаванию в авиационной школе при нем, совершает ряд научных полетов.

После Великой Октябрьской социалистической революции Морозов был среди тех русских ученых, кто сразу же предложил молодой пролетарской власти свои силы и знания. Он безоговорочно принял Великую Октябрьскую революцию, такую непохожую на ту, которую в свое время пытался подготовить вместе с другими революционерами-народниками. Сразу после Октября Морозов работает директором Института им. П. Ф. Лесгафта. В 1932 г. Академия наук СССР избрала Морозова почетным членом по Отделению химических и физических наук.

Отношение к Морозову советского правительства и новой советской интеллигенции было особым. В его лице читали не только передового ученого с большими заслугами перед отечественной и мировой наукой, в нем видели живое воплощение преемственности революционных поколений.

Николай Александрович Морозов скончался в 1946 г. «Борок» еще при жизни Морозова и по его инициативе был превращен в исследовательскую базу Академии наук СССР. Сейчас здесь функционирует Институт биологии внутренних вод АН СССР, а также геофизическая обсерватория.

Н. А. Морозов, 125-летие со дня рождения которого отмечалось в 1979 г., остается для нас живым олицетворением союза науки и революции.

THE FATE OF N. A. MOROZOV AS A REVOLUTIONARY AND A SCIENTIST

V. A. TVARDOVSKAYA

On an example of the unusual fate of an eminent revolutionary and scientist, N. A. Morozov, the author studies a special feature of the Russian liberation movement which had grown on the soil of the deep and regular life-important demands of the movement joined by the best people from the intellectual circles.

Н. А. МОРОЗОВ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

Ю. И. СОЛОВЬЕВ

Три великих свершения в истории естествознания XIX в. произвели на Н. А. Морозова решающее влияние. Это — открытие периодического закона химических элементов, создание эволюционного учения в биологии и «химии небесных тел», доказавшей единство химического состава Вселенной.

Морозов как бы объединяет эти открытия, и этот синтез порождает у него много новых идей и представлений.

В 1868 г. по характерному спектру (яркая желтая линия D_3) на Солнце был обнаружен гелий. Под влиянием работ английского астрофизика Н. Локьера Морозов высказывает мысль, что «солнечный» элемент — гелий и водород — составная часть всех химических элементов.

Морозов считал, что в условиях высокотемпературной плазмы (в недрах звезд, в центре земного шара) привычное нам вещество приобретает первичную форму — происходит глубокая перестройка атома.

Синтезируя данные астрономии, химии и физики, Морозов разрабатывает эволюционную теорию строения атома, теорию образования химических элементов.

Идея строения вещества была ключевой в теоретических рассуждениях Морозова, так как, по его словам, она лежит «в основе всех остальных наук о природе»¹.

При образовании химических элементов, как считал Морозов, гелий и водород должны были играть главную роль и находиться в космическом пространстве в наиболее распространенном виде.

Впоследствии мы убедимся, что предвидение Морозова полностью подтвердилось. В одном из писем из Шлиссельбургской крепости Н. А. Морозов писал (видимо, в 1897 г.): «Теперь я пишу книгу о строении веществ и, если позволит здоровье, окончу в этом году. Написал уже почти полторы тысячи страниц, и осталось не более пятисот. Хотя этой книге, вероятно, и не суждено никогда попасть в печать, но все же я усердно работаю над ней почти каждый день в продолжение последних трех лет и чувствую невыразимое удовольствие всякий раз, когда после долгих размышлений, вычислений, а иногда бессонных ночей мне удастся найти порядок и правильность в таких явлениях природы, которые до сих пор казались загадочными»².

Находясь в каменной гробнице, Морозов с нетерпением ожидал каждый новый день, который позволял ему продвинуться вперед в разработке его научных идей.

Предметом его особого внимания было содержание периодического закона и теория образования химических элементов. Он предполагал, что на основании периодического закона можно сделать вывод, что атомы — это не абсолютно неделимые, первичные шарики, а сложные комбинации, с богатой внутренней энергией и что периодическому зако-

¹ Морозов Н. А. В поисках философского камня. М., 1909, с. 19.

² Морозов Н. А. Повести моей жизни. М., Изд-во АН СССР, 1947, т. 2, с. 613.